

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ: «ЖЁЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ» И ЗАВЕРШЕНИЕ «ПЕРВОЙ ФАЗЫ» ПРАВЛЕНИЯ Э. МАКРОНА

Е.О. Обичкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируются проявления современного социально-политического кризиса во Франции, наиболее ярким из которых стала волна протестов «жёлтых жилетов». Нынешний кризис отчасти является следствием затянувшегося кризиса идентичности на обоих полюсах французской политической жизни, порождённого длительным периодом сравнительно бесконфликтного чередования у власти лево и правополитических партий в условиях относительно благоприятной экономической конъюнктуры, сопутствующей прогрессу общества потребления и обеспечивающей развитие социального государства. Эта модель, которую можно назвать «потребительской демократией», дала сбой с наступлением мирового экономического кризиса. Неолиберальные рецепты его преодоления наталкиваются на стойкое сопротивление «пасынков» современного капитализма, привыкших полагаться на гарантии со стороны «государства-хранителя» (*Etat-Providence*). Небывалая по размаху волна протестов «жёлтых жилетов» представляется производной от специфической ситуации, сложившейся в ходе президентских выборов 2017 г., с начала «эры Макрона», задумавшего структурную перестройку французского общества и экономики. Главной её особенностью стала дискредитация и одновременный крах обеих системообразующих партий, прежде деливших политический Олимп, в момент смены власти. Странники Макрона получили абсолютное парламентское большинство, не имея сколько-нибудь симметричной системной оппозиции, способной оппонировать президенту, что обеспечило высокие темпы проведения реформ, но болезненно воспринимается обществом как нарушение обратной связи между избирателями и законодателями. Недовольные, не надеясь быть услышанными, пополнили ряды массового стихийного движения «жёлтых жилетов», толчком к которому стало введение т.н. «экологического» налога. Явление это можно рассматривать в разных плоскостях: привычный социально-политический анализ может быть дополнен сопоставлением из области исторической антропологии, поскольку его стихийный характер позволяет увидеть в нём реинкарнацию антиналоговых восстаний XVII-XVIII вв. С философской точки зрения, помещённое в современный глобальный контекст, оно представляется реакцией аутсайдеров на глубокие общественные трансформации, связанные с пауперизацией средних слоёв, глобализацией, миграционными волнами и цифро-

УДК: 329.71

Поступила в редакцию 10.04.2019 г.

Принята к публикации 20.04.2019 г.

вой революцией. Ответные меры правительства (отзыв закона, послужившего непосредственной причиной протестов, запуск «больших национальных дебатов») привели к относительному спаду активности «жёлтых жилетов», но главная причина снижения активности его участников видится в подготовке к европейским выборам, которые могут стать для протестующих референдумом против президента, вернув гражданскую оппозицию в электоральное русло. «Жёлтым жилетам» вряд ли уготовано политическое будущее, но его опыт, социальный потенциал и методы могут воплотиться в различного рода протестные движения, поскольку не исчерпана его главная повестка дня – гармонизация политики эффективного экономического развития с запросами неблагополучной части общества.

Ключевые слова: Франция, кризис политической модели, стиль управления Эммануэля Макрона, технократия у власти, «жёлтые жилеты», большие национальные дебаты, критика налоговой системы.

Движение «жёлтых жилетов», возникшее в ноябре 2018 г. и по сей день задающее тон массовой, несистемной оппозиции политике президента Э. Макрона, находится сегодня в фокусе общественного внимания. Его характер, социальный состав, тактика и побудительные мотивы не типичны для страны с устоявшимися парламентскими традициями и являются своеобразным вызовом политическому классу, порождая оживлённую дискуссию в обществе и в экспертных кругах. Анализ этого явления вписан в общий контекст развития кризиса французской социально-политической модели, отягощённого социальными последствиями затянувшегося мирового экономического кризиса. Важно также отметить, что кризис модели либеральной демократии во Франции выходит за национальные рамки. С одной стороны, он является отражением кризиса «социального государства» в условиях слабого роста или падения экономики. С другой стороны, он отражает серьёзные изменения в повестке дня внутренней и внешней политики европейских государств, реакцию на новые вызовы и угрозы, связанные с глобализацией, кризисом европейской идентичности, миграционным кризисом и информационной революцией, которые серьёзно изменили не только социальные условия и стиль жизни, но и рамки сложившегося общественного консенсуса, что определяет новые линии раскола между правящей элитой, склоняющейся к неолиберальной политике, и массовым электоратом, который с трудом приспосабливается к связанному с этим курсом сворачиванию социального государства.

Фигура нынешнего президента Франции на этом общем фоне представляет особый интерес. Обстоятельства его прихода к власти нетипичны для электоральных обычаев пятой республики, президенты которой неизменно опирались на одну из системообразующих политических партий, способных возглавить широкое объединение право- или левоцентристского толка и на солидный базовый электорат. Между тем победе Макрона сопутствовал уход с авансцены

политической борьбы двух главных партий (республиканцев и социалистов), лидеры которых сменяли друг друга у власти начиная с 1981 г. На президентских выборах 2017 г. их кандидаты выпали из президентской гонки уже в первом туре, что придало особый драматизм избирательной кампании, поскольку одним из победителей этого тура второй раз в истории пятой республики стала лидер крайне правых, глава Национального фронта Марин Ле Пен. В этих условиях Э. Макрон, менее чем за год до начала президентской кампании создавший и возглавивший новорождённое движение «прогрессистов» «*En Marche!*» («Вперёд!»)¹, буквально на ходу формируя свою программу, сумел подхватить «осиротевший» центристский электорат и существенную часть депутатского корпуса. Победу Э. Макрона на президентских выборах, таким образом, можно расценить как проявление политического кризиса, пришедшегося на смену власти, и в то же время как оригинальное решение для преодоления его острой фазы, поскольку она позволила «несистемному» кандидату спасти систему. Политический центризм во Франции удержался у власти, в отличие от Италии, Испании или Греции, в которых правые и/или левые популисты добились значительно больших успехов, но французская демократическая модель обрела кардинально новые черты. Прежде всего, это обрушение сложившейся системы партий. Республиканцы и социалисты не просто проиграли выборы и кардинально снизили своё присутствие в Национальном собрании, они и спустя два года не смогли оправиться от поражения и восстановить свой авторитет даже у базового электората, что создало беспрецедентную ситуацию во взаимоотношениях нового президента и законодательного корпуса.

Следует отметить, что изменения эти назревали давно и были предсказаны, в том числе и российскими экспертами, ещё до выборов 2017 г. Так, анализируя развитие политической ситуации в период праймериз в конце 2016 г., Ю.И. Рубинский не исключал перспективы расколов в обеих системообразующих партиях и формирования «новых лево- и правоецентристских блоков с выведением крайних флангов за рамки политического поля» [9, с. 95]. В то же время, непререкаемое преобладание нового пропрезидентского большинства, позволив Э. Макрону реализовать смелый реформаторский курс, нарушило обратную связь между избирателями и законодателями, что стихийно привело к рождению оригинального типа протестного движения «жёлтых жилетов». Притом, что обстоятельства победы, личность и политика президента Макрона нашла достаточно широкое освещение в исследованиях отечественных специалистов [1; 5; 6; 8], феномен «жёлтых жилетов» является в основном темой новостных выпусков и не исследован в научной литературе, и данная статья является попыткой анализа причин и особенностей этого нового явления.

¹ И.М. Бунин [1, с. 87] предложил свой перевод названия этого движения: «В путь!», однако, думается, в свете последующей смены этого названия-призыва на «*La République, en marche!*», его перевод «Вперёд, Республика!» более созвучен идее прогресса, которой руководствуется его лидер президент Э. Макрон.

Анализ текущих общественно-политических процессов, особенно когда речь идёт о стихийном протестном движении, не оформленном политически, предполагает расширение источников и историографической базы исследования за пределы «кабинетной» науки, требует обращения к информационному полю, поскольку следить за развитием ситуации приходится по текущей информации СМИ, прежде всего, по телевизионным информационным каналам, видеокадрам репортажей с места событий, интервью с их безымянными участниками. Преимуществом для исследователя является возможность сопоставить данные источников и суждения экспертов с собственными «полевыми» наблюдениями, быть свидетелем и зрителем происходящего, синтезируя текущие впечатления и размышления аналитика, отслеживающего трансформации французской политики и общества в течение трёх последних десятилетий.

Фаза реформ на фоне кризиса политической модели: особенности французской политики в новом президентском цикле

С начала очередного политического цикла во Франции, измеряемого пятилетним сроком правления президента, прошло менее половины, и его результатом стало стремительное падение рейтинга Э. Макрона с первоначальных 62% до 23%². В пятой республике первая фаза президентства всегда является периодом активного реформирования, когда новый хозяин Елисейского дворца занимается выполнением предвыборных обещаний, чтобы затем, с поправкой на общественный резонанс и экономическую конъюнктуру, скорректировать, а иногда и поменять свой курс и прийти к следующим выборам с положительным результатом. Парадоксальным является тот факт, что французские граждане разочарованы правлением президента, который самым энергичным образом взялся за преобразования, намеченные в его предвыборной программе, и значительно преуспел в её выполнении. По заявлениям Елисейского дворца, за это время из 138 пунктов преобразований, намеченных в предвыборной программе, 53 уже реализованы, 73 находятся в стадии реализации, а 12 остаётся выполнить³ [14, р. 29]. Если первые шаги Макрона свидетельствовали в пользу того, что решительные технократические реформы, при всей их непопулярности, в перспективе служат восстановлению экономического роста, то дальнейшее движение по избранному пути, видимо, перешло за рамки приемлемого для самых широких слоёв. Главным объяснением этого парадокса является то обстоятельство, что, несмотря на внушительную поддержку избирателей, Макрон одержал победу не потому, что его программа соответствовала интересам громадного большинства французов, а в силу сложения ряда обстоятельств,

² BFMTV. 29.01.19.

³ Lhaik C. Pourquoi il ne changera pas // L'Express. 23.01.2019. P. 29.

прежде всего, коррупционного скандала, скомпрометировавшего лидера президентской гонки, республиканца Ф. Фийона⁴.

Не последнюю роль в нарастающем кризисе системы партий сыграла и новая для Франции практика расширенных праймериз, скопированная с американской системы и направленная на раннюю политическую мобилизацию и расширение электората за счёт сочувствующих, но приведшая к обратному результату. Мобилизация состоялась, но она нарушила дух обеих центристских партий – объединений, основанных на широком консенсусе не только внутри двух лагерей избирателей, но и между ними – в главных общенациональных вопросах. Праймериз 2016-2017 гг. отстранили кандидатов, способных синтезировать интересы базового электората каждой из партий. В обоих лагерях победили сторонники внятной идентичности, затушёванной долгими годами правления: неолибералы из правого центра «Республиканцы» выдвинули поборника социального консерватизма Ф. Фийона, а реформисты из левоцентристской социалистической партии – Б. Амона, предложившего явно идеалистический проект леворадикального толка.

Между тем фигура президента в политической системе пятой республики является олицетворением консенсуса – арбитром, способным примирить социальные конфликты. Именно результаты праймериз у социал-демократов (выдвижение Б. Амона) помешали перемещению неопределёвшихся избирателей центра от «Республиканцев» к ФСП (второй партии власти), помешав ей воспользоваться редким шансом – обрушением репутации лидера президентской гонки – Ф. Фийона. Макрон подхватил «осиротевший» центристский электорат из обоих лагерей, выдвинув требование моральной политики. В результате ко второму туру его соперницей стала Марин Ле Пен – лидер крайне правого Национального фронта, а потому априорно непроходной кандидат.

При кажущейся случайности такого политического расклада, он стал одновременно и порождением, и демонстрацией глубокого системного кризиса, поразившего французскую социально-политическую модель в целом. И в череде его проявлений макронизм, возможно, является временным, переходным решением, предложенным технократическим истеблишментом и устроившим многочисленных центристов – сторонников стабильности. Э. Макрон провозгласил себя «ни правым, ни левым», кандидатом всех прогрессистов – поборников позитивных перемен, нацеленных в будущее. Но образ успешного реформатора был опрокинут в последней декаде ноября 2018 г., когда очередные априорно непопулярные меры – введение так называемого «экологического» сбора с продажи горючего и ужесточение требований техосмотра – вызвали мощные протестные выступления, начавшиеся с обсуждения и призывов в социальных сетях и вылившиеся в рождение оригинального гражданского движения. Его самоназвание и символ – «жёлтые жилеты» – обязательный атрибут автомобилиста.

⁴ Анализ поведения избирателей на выборах 2017 г. см.: [7, с.31-34.]

Общенациональный и первоначально стихийный характер движения, широкий размах и радикализм действий стали достаточно внятным негативным ответом как духу и содержанию, так и методам управления, предложенным Макроном.

Кризис многослоен и не исчерпывается социально-политическим конфликтом правительства и протестующих. В социальном плане его глубинной причиной является несоответствие антикризисной политики Макрона, призванной перезапустить экономический рост, исправив несовершенства и падающую эффективность французской социально-экономической модели, общему состоянию общества, отмеченного глубоким внутренним расколом. Ожидание необходимых реформ наталкивается на приверженность социальному государству, особенно востребованному в эпоху экономических потрясений. А.К. Кудрявцев справедливо заметил в этой связи, что «в отличие от экспертных кругов, во французском обществе в целом, по-видимому, не укоренилось представление о безальтернативности глубоких перемен» [4, с. 19].

В политическом плане, причины следует искать как в особых обстоятельствах прихода Макрона к власти, так и в ряде новых черт французской политической жизни, проявившихся в его правление. И те, и другие являются результатом социально-политических трансформаций нескольких последних десятилетий [4, с. 72]. К первым следует отнести саморазрушение сложившейся в стране в последние четыре десятилетия политической модели, которая, волей руководителей страны, направлялась в сторону англо-саксонской двухпартийности (по-французски – *alternance*), предполагающей общенациональный консенсус, а значит – сильный и стабильный пул избирателей-центристов. В основе разрушительного кризиса партий лежат глубокие общественные трансформации последних десятилетий, породившие настоящий кризис идентичности главных политических сил и, в более общем плане, французской социально-политической модели «государства-хранителя» (*Etat-Providence*). Со времени избирательной кампании 1995 г., в которой победил правоцентрист, неоголист Ж. Ширак, не только левые, но и правые во Франции нацелены на активное использование инструментов социального государства для преодоления общественного раскола. В свою очередь, левые (ФСП), заняв Елисейский дворец, превратились в управляющих рыночной экономикой, теряя идентичность партии, защищающей интересы трудящихся перед лицом капиталистического государства [3, с.142].

Новые вызовы носят структурный характер, они приобрели европейское и глобальное измерение, и для их отражения недостаточно простой актуализации партийных установок или смены названия (как это неоднократно происходило с правоцентристами-республиканцами)⁵. Попытка мобилизовать и расширить

⁵ Голлистское Объединение французского народа (RPF), сменив несколько названий, в 2002 г. переименовано и реорганизовано в «Союз президентского большинства», а сразу после победы его лидера Ж. Ширака на выборах – в «Союз народного большинства», сохранив аббревиатуру UMP (фр.). Незадолго до выборов 2017 г. Н. Саркози переименовал свою партию, назвав её на американский манер «Республиканцы» («Les Républicains» – LR).

базовый электорат к выборам 2017 г. путём вовлечения массы сочувствующих в процесс определения партийного кандидата в президенты (праймериз, по-американски) для обеих партий обернулась катастрофой. С введением праймериз и у «Республиканцев», и у социалистов кардинальное решение о кандидатуре претендента на президентский пост, к которому прежде были допущены опытные профессионалы – партocrats, способные тщательно взвесить шансы кандидатов, стало результатом мало предсказуемой игры. Он больше зависел от эмоций и настроений активного, большей частью протестного электората, чем от рационального выбора. Второстепенные, хотя и злободневные проблемы, вроде споров вокруг гомосексуальных браков, во многом определили исход праймериз у «Республиканцев», позволив Ф. Фийону сплотить вокруг себя массовый консервативный электорат, главным образом, голлистов из католических кругов. Однако в разгар избирательной кампании эти вопросы были оттеснены на второй план «пенелопгейтом» – коррупционным скандалом вокруг фиктивных трудовых контрактов его жены Пенелопы Фийон, а также их детей. Разоблачения обрушили шансы главного кандидата в президенты от умеренного правого лагеря.

Схожее отклонение от основной повестки дня произошло в результате праймериз у социалистов (ФСП+). Радикальный утопизм программы победителя – представителя левого крыла партии Б. Амона расхохотался с настроением умеренного базового электората партии, не говоря уже о партийном руководстве, которое возложило на кандидата главную вину за катастрофическое поражение на выборах, на которых претендент от одной из двух ведущих партий Франции набрал всего 6,8% голосов.

Вторая группа причин – новые факторы политической жизни – являются частными проявлениями этого кризиса партийной системы, и на них хочется остановиться особо. Если первоначально макронизм можно было считать, прежде всего, успешным электоральным продуктом, своего рода «*start up*» политического маркетинга, то сегодня очевидно, что формула его успеха не является случайным результатом цепи благоприятно сложившихся обстоятельств. Макрон был необычным кандидатом и стал необычным президентом. Он является новым, молодым для своего поста, но вовсе не случайным человеком в национальной политике, обладая и внешней презентабельностью, и опытом управления на общенациональном и международном уровнях. В нём соединились интеллект, энергетика, личная романтическая история (женитьба на своей школьной учительнице), принадлежность к управленческой элите (экономика — банки – высшая администрация). Электоральный проект Макрона был востребован, пусть за неимением лучшего (главный мотив голосования за него во втором туре), но в момент, когда обнаружилось, что предложения, которые десятилетиями выработывали две ведущие политические партии страны, не отвечают общественным запросам. В свете драматических коллизий избирательной кампании 2017 г. его «электоральный продукт» был адресован

широкому спектру избирателей-потребителей – от правого до левого центра. В предыдущие несколько десятилетий (после 1981 г., когда социалист Ф. Миттеран впервые занял Елисейский дворец) повторяющаяся смена у власти левых и правых, которые устало лавировали в узких рамках неизбежного выбора между экономической эффективностью либерализма и социальным государством, породила явление, названное «электоральным рынком»⁶, в условиях которого избиратель ведёт себя уже не как убеждённый член определённой социально-политической группы, а подобно покупателю, который всякий раз выбирает из гаммы однотипного товара тот, который больше подходит ему в данных обстоятельствах и подан в понравившейся упаковке. Можно сказать, что в обществе потребления была отлажена модель «потребительской демократии». На фоне драматических коллизий выборов 2017 г. следующим шагом избирателей стал выбор в пользу нового электорального продукта Э. Макрона, который предложил объединительный «прогрессизм» и серьёзное обновление политического персонала республики взамен двум стёршимся, а потому казавшимся ложными идентичностям. Его предвыборная книга-манифест называлась «Революция», и он действительно больше подходит под определение президента-революционера, нежели президентов-оппортунистов, которые наследовали де Голлю.

Таким образом, победа Макрона на выборах, так же как и избранный им метод правления явились одновременно и показателями глубокого партийно-политического кризиса, и способом преодоления этого кризиса, феноменальным для французской политической системы. Без преувеличения его можно расценивать как кризис представительной демократии – одной из основных характеристик и способов существования французской политической модели и любой либеральной демократии. Результаты парламентских выборов 2017 г., которые определили нынешний состав Национального собрания, были двойственными. На первый взгляд, они благоприятствуют президенту, поскольку он заручился поддержкой убедительного правящего большинства, основу которого составляют депутаты из списка созданного им движения «Вперёд, Республика!» (*La République en Marche – LRM*). С другой стороны, природа и мотивация его электоральной базы изначально вызвали сомнения в прочности поддержки того курса, который намерен проводить Макрон, поскольку она далека от модели «ядерного электората», интересы которого лежат в основе политики нынешнего президента. Они, скорее, не соответствуют заявленной Макроном программе. Об этом свидетельствует анализ итогов парламентских выборов 2017 г. В подавляющем большинстве округов, где одержал победу на президентских выборах Меланшон, представители макронистов опередили кандидатов от его движения «Непокорённая Франция» (*LFI – La France Insoumise*). Из 67-ти округов

⁶ Термин «электоральный рынок» для характеристики поведения избирателей в отсутствие внятной идейно-социальной идентичности главных партий французской политической системы был предложен ещё в конце 1990-х гг. : [11, p. 221]. Термин «потребительская демократия» или «демократия потребления» является оригинальным и предложен автором данной статьи.

в 53-х победили макронисты, в четырёх – сторонники Меланшона⁷, из чего следует, что ни победа Макрона на президентских, ни победа его движения «Вперёд, Республика!» на парламентских выборах 2017 г. в текущем электоральном цикле не отражают адекватных интересов избирателей, но являются, скорее, отражением их разочарования в сложившейся политической элите. Макрон стал ко второму туру кандидатом за неимением лучшего. В то же время, именно это обстоятельство дало ему серьёзное преимущество перед любым из предшествующих президентов, начинавших свой срок с выполнения предвыборных обещаний, адресованных базовому электорату. Э. Макрон такими обещаниями не связан и выполняет программу, не навязанную избирателями, а разработанную собственной командой. Однако, это начальное преимущество, освобождающее Макрона от необходимости популистского следования за электоратом, является камнем преткновения в реализации его программы. Прогрессизм – идея, предложенная им обществу, но реализуемая чередой, пусть назревших, но непопулярных реформ, не может найти массовой гражданской поддержки, поскольку экономическая эффективность для правящей команды имеет явный приоритет перед интересами затронутых ими социальных групп.

Пусть первые шаги Э. Макрона, связанные с реализацией его лозунга «моральной политики» и нацеленные на очищение политического класса от кумовства и коррупции и действительно серьёзно обновившие депутатский корпус были хорошо встречены обществом, но эти успехи не могут преломить последствий крайне непопулярной социальной и фискальной политики. Результатом стало падение рейтинга президента, что, казалось бы, давало неплохие шансы оппозиции, в первую очередь, критикам слева.

Однако проблема состоит в том, что политический пейзаж страны претерпел после выборов кардинальные изменения. Во Франции сложилась уникальная ситуация: в демократической стране сегодня нет влиятельной политической оппозиции – общенациональной силы, способной предоставить внятную альтернативу правительственному курсу. Затянувшийся экономический кризис и связанная с ним неблагоприятная конъюнктура, казалось, увеличивают шансы радикальных правых и левых объединений, за которыми идёт протестный электорат. Однако сторонники ультраправого Национального фронта были разобщены и разочарованы провалом своего лидера Марин Ле Пен во втором туре президентских выборов 2017 г. Набрав в первом туре 21,3% голосов, она всего на 2,8% отстала от Э. Макрона (24,1%), но вдвое уступила ему во втором туре (33,94% против 66,01%). Поражение больно ударило по партии и по авторитету лидера, расколов руководство и ядерный электорат. В настоящий момент М. Ле Пен находится в поисках новой идентичности и расширенной социальной базы. Она нацелена на завоевание «осиротевших» голлистов, отказываясь от имиджа «ультра». Смена воинственного названия партии «Национальный

⁷ Résultats des législatives 2017 : les candidats de La République en marche en tête du 1-er tour. *Le Monde*. 12.06.17

фронт» (*Front National – FN*) на «Национальное объединение» (*Rassemblement national – RN*) вызывает прямые ассоциации с основанным Ш. де Голлем в 1947 г. «Объединением французского народа» (*RPF – Rassemblement du peuple français*). Ещё до выборов Ле Пен активно апеллировала к идеям де Голля, притом что её право наследования идей основателя пятой республики более чем сомнительно: она вышла из политической семьи, восходящей к П. Пужаду – яркому противнику де Голля.

На крайнем левом фланге у Э. Макрона, как казалось после выборов, появился серьёзный оппонент с большим электоральным потенциалом – Ж.-Л. Меланшон. Феномен Меланшона – небывалый электоральный успех создателя леворадикального движения «Непокорённая Франция» (*La France Insoumise – LFI*) на фоне распада двух прежних системообразующих партий левого фланга – социалистической (ФСП) и коммунистической (ФКП) также является беспрецедентным явлением французской политической жизни, по крайней мере, в столетней перспективе. В начале президентства Э. Макрона он находился на пике политического успеха. Он аккумулировал недовольство базового электората леворадикального лагеря и набрал в первом туре беспрецедентное для «леваков» число голосов – 19,6%, в то время как главный кандидат левых (ФСП+) Б. Амон набрал всего 6,8%. Меланшон занял и расширил нишу, которую до него, со второй половины 1970-х гг., т.е. на протяжении почти 50 лет занимали коммунисты – младшие, но главные партнёры широкой левой коалиции во главе с ФСП. Последствия экономического кризиса: падение уровня жизни и покупательной способности широких средних слоёв, длительное, на протяжении последних 10 лет, сохранение высокого уровня безработицы (около 10%)⁸ могли бы сделать этого критика современного капитализма и его «Непокорённую Францию» центром притяжения всех пасынков рыночной глобализации. Однако, в отличие от коммунистов, её лидер не склонен к созданию широкой коалиции с левоцентристами, опасаясь разделить судьбу ФКП, которая в 1972 г. пошла на заключение предвыборного союза левых сил с ФСП Ф. Миттерана, что позволило этому непревзойдённому политику на долгие годы перетянуть на свою сторону гораздо более многочисленный в те годы коммунистический электорат. Парадоксальным образом, непримиримость и сектантство Меланшона в особой обстановке выборов 2017 г. дали неожиданно хороший результат: обстоятельства способствовали обострённому стремлению протестного электората к обретению внятной идентичности. Характерные для «Непокорённой Франции» антикапитализм, антиглобализм, неприятие единой «Европы монополий» воскрешали классическую парадигму классового противостояния мира труда и мира капитала. Но электоральные рамки такого проекта в современной Франции весьма ограничены, и партия Меланшона в настоящих условиях не может составить сколько-нибудь симметричной президентскому

⁸ На начало 2019 г. во Франции зарегистрировано 3 676 000 безработных, т.е. 9% населения. BFMTV. 25.01.19.

большинству парламентской оппозиции, способной заблокировать или серьёзно корректировать политику Э. Макрона.

Такой оппозиции в настоящий момент не существует, и это является одной из уникальных черт французской политики в текущем электоральном цикле. Обе прежние системообразующие партии пятой республики переживают затянувшийся кризис, от которого они не смогли оправиться и через два года после выборов. И ФСП (социалисты – левый центр) и «Республиканцы» (правый центр) практически разрушены и оказались вне властного поля, хотя и сохранили места в парламенте. Между тем их чередование у власти в условиях общественного консенсуса по главным вопросам национальной повестки дня было основой политической стабильности на протяжении последних сорока лет, от Ф. Миттерана к Ж. Шираку и от Н. Саркози к Ф. Олланду, за каждым из которых стояли: массовый («ядерный») электорат и мощный партийный аппарат. Э. Макрон и созданное им движение «Вперёд!» (переименованное после его победы в «Республика, вперёд!») изначально были лишены и того, и другого, но именно макронисты сегодня являются правящей силой.

Во Франции остались голлистские настроения, но нет авторитетного лидера-голлиста. Если бывший президент Н. Саркози активно привлекается Э. Макроном для консультаций, другой видный неоголист и бывший премьер-министр А. Жюппе, сосредоточил свои усилия на решении проблем г. Бордо, мэром которого является долгие годы. Председателя партии «Республиканцев» (*Les Républicains – LR*) Л. Вокье трудно назвать непререкаемым лидером, политической фигурой, способной актуализировать партийные установки и на равных конкурировать с Э. Макроном. К ближайшим выборам в Европарламент партия пока не предложила никаких новых идей, сохранив повестку дня двухлетней давности. Её предвыборный список поручено возглавить последователю линии Ф. Фийона – молодому консерватору, защитнику «традиционных ценностей» Ф.-К. Белами (*Bellamy*). Между тем центр общественного интереса кардинальным образом сместился, и предложенная им повестка дня не очень востребована. Кроме того, внутри депутатского корпуса «Республиканцев» сильна линия, нацеленная на конструктивное сотрудничество с Макроном, который проводит близкую им неолиберальную бюджетную политику. Согласно опросам общественного мнения, рейтинг партии за три месяца до выборов в Европарламент составлял всего 12%, что почти вдвое меньше 20%, завоёванных Фийоном в первом туре президентских выборов 2017 г.⁹

В стране явно наметилась поляризация и радикализация, полевение электората, обострилось чувство социальной несправедливости. Это – следствие непопулярных реформ Макрона, направленных на сжатие социального государства, но авторитет системной левой партии – ФСП разрушен, прежде всего, последними годами правления их лидера Ф. Олланда, обратившегося к неоли-

⁹ BFMTV. 03.02.19

беральным рецептам. Таким образом, состояние политического класса и состояние оппозиции не отвечают социальному запросу, ставя под вопрос систему представительной демократии. Не надеясь транслировать свои претензии к власти через парламентскую дискуссию, недовольные вышли на улицы.

Технократическое реформирование и угроза разрыва с избирателями

Выпадение из парламентской и общественной дискуссии действенной оппозиции только первое время казалось благоприятным для правительственного курса. Открытым остаётся вопрос, насколько макронизм как политическое явление и способ управления является конструктивным решением, указывающим выход из кризиса французской модели. Появление кандидата, отказавшегося принять идентичность в привычной парадигме соперничества правых и левых и предлагающего взамен объединиться всем «прогрессистам», могло быть расценено как спасение либерально-демократической модели, поскольку главным оппонентом всех голосовавших за Макрона был ксенофобский и националистический Национальный фронт. Э. Макрон изначально не имел ни массовой опоры в лице «ядерного» электората, ни близких по уровню опытных политических сторонников и, на первый взгляд, перенёс в Елисейский дворец управленческий стиль эффективного менеджера высшего звена, принимающего кардинальные решения в тесном окружении верной команды. Его принято называть технократом, хотя бы уже потому, что его образование (ЭНА – *ENA* – *Ecole nationale de l'Administration*) и послужной список определяют принадлежность к корпусу финансистов-администраторов, управленцев высшего звена, привыкших руководствоваться критериями административной и экономической эффективности. Между тем, сам он стремится преодолеть этот стереотип, подчёркивая философскую основу своего метода исполнения власти – образ президента – Юпитера. Эта, философская, черта нового президента многое говорит об истоках его идеи управления, но пока мало убеждает общественное мнение, возможно потому, что слишком стремительным было его восхождение к вершине власти, отчего ни экспертное сообщество, ни общество не успели к нему приглядеться. В то же время, она заинтересовала И.М. Бунина – автора первой в отечественной политологии, к большому сожалению, вышедшей уже после его безвременной кончины, монографии, посвящённой Э. Макрону. Бунин видел сходство Макрона с де Голлем, поскольку нынешний президент, так же как основатель пятой республики, «верит в вертикальную систему управления» [1, с. 148]. Далее следует: «Макрон доверяет не столько системе сдержек и противовесов, которые должны обеспечить демократический порядок, сколько воле государства и персонифицированной ею личности» [1, с. 149]. Вдохновителем Э. Макрона, является современный философ П. Рикёр, сотрудником которого он работал в юности, и Бунин обратил внимание на то, что нынешний президент вслед за Рикёром высказывается против технократических подходов,

считая важным «повысить значимость политической идеологии, которая дала бы возможность действовать». Бунин отметил: «главное, что заимствовал Макрон у Рикёра, – это отношение к власти», цитируя фразу философа: «Опираясь на власть, человек творит историю» [1, с. 151]. Думается, последнее скорее пока отличает Макрона от де Голля, для которого важно было, прежде всего, убедить французов в правильности избранного им курса. Руководствуясь философскими идеями А. Бергсона об интуитивном характере действий успешного лидера, при всём своём волюнтаризме Ш. де Голль считал обязательным условием своего правления совпадение действий главы государства с общественным запросом, полагая, что диссонанс между властью и обществом способен заблокировать позитивные перемены. Неоднократно в своей политической карьере он поверял свои действия общенациональным референдумом, ставя победу предложенного им решения обязательным условием пребывания у власти. Открытым остаётся вопрос, насколько гармонично и убедительно Э. Макрону удастся синтезировать две стороны своего правления: явную технократическую природу своего окружения и образа действий и внутреннюю философскую связность политического замысла, на которую он претендует.

Анализ результатов первого года правления Э. Макрона дал основания утверждать, что во Франции произошла «реставрация государственного строя через его частичное обновление, дальнейшая “президенциализация режима”» [9, с.10]. Следует согласиться с автором высказывания Ю.И. Рубинским, что сложившаяся после выборов 2017 г. ситуация отсылает к замыслу и первым годам существования пятой республики, когда авторитет её основателя Ш. де Голля, за которым безоговорочно следовало правящее парламентское большинство (Союз за новую республику – *UNR*), позволил президенту поставить под свой контроль законодательную деятельность Национального собрания. В то же время правление Макрона имеет особый характер, принципиально отличающий его и от харизматичного «спасителя Франции» Ш. де Голля, и от политиков-партократов, занимавших президентское кресло в недавнем прошлом. В политику нынешний президент пришёл из мира финансов, и способ управления Макрона, как и следовало ожидать от президента-технократа, соответствует его личному стилю. Но что управление страной кардинально расходится с привычной для него практикой руководства банком, предприятием и даже – на национальном уровне – министерством. Там господствуют вертикальные связи, и не так востребован диалог между высшим начальством и исполнителями внизу. Однако добиться доверия общества к своим реформам – это не то же, что отдать поручения сотрудникам. Макрон недаром заявил в одном из своих интервью в январе 2019 г., что последние 20 месяцев на посту президента его многому научили¹⁰. Между тем он по-прежнему опирается на тесный круг молодых технократов, и вот уже политические журналисты противопоставляют Макрона-политика

¹⁰ BFMTV. 30.01.2019

его технократическому окружению, задаваясь вопросом: «Кто же главный?»¹¹. Задолго до «жёлтых жилетов» среди министров и депутатов правящего большинства было принято во всех бедах винить этих «технократов», далёких от реальной жизни и одержимых бюджетной дисциплиной. Два наиболее заметных и подходящих под это определение – Алексис Колер, генеральный секретарь Елисейского дворца – шеф президентской администрации и Бенуа Рибардо-Дюма – директор кабинета премьер-министра. Среда, которая наиболее близка президенту – чиновники Министерства экономики и финансов, расположенного на набережной Берси, настолько идентичны этому определению, что название набережной стало нарицательным («люди из Берси»). Макрон – бывший руководитель этого министерства, в самом деле – один из подобных технократов. Его программа исходит из идей, которые всегда защищала его корпорация: уважение к европейским бюджетным правилам (маастрихтским критериям), сдерживание роста государственных расходов, повышение инвестиционного рейтинга страны. Главным приоритетом является для правящей команды критерий экономической эффективности. Разрабатывая проект бюджета, на набережной Берси принято намеренно сгущать краски, завышая ожидаемый дефицит в случае продолжения прежней «расточительности», чтобы оправдать меры экономии, прежде всего, на социальных расходах, но не только: под нож попадают и расходы на оборону, и на содержание полиции. Было бы наивно ожидать от технократов сочувствия к тем, кто еле сводит концы с концами, получая минимальную зарплату (их во Франции называют «смикар»), т.е. получающие СМИК (*SMIC*)¹². Имея блестящие дипломы лучших учебных заведений, с самого начала своей карьеры они зарабатывали почти в 10 раз больше: средняя начальная зарплата этих «золотых мальчиков» составляет 10 тыс. евро. Министры и их ближайшее окружение также в большинстве своём принадлежат слою крупных бюрократов: выходцы из привилегированных вузов, прошедшие через Национальную школу администрации (ЭНА – ENA – фр.), чтобы занять высокие и хорошо оплачиваемые посты в высшей администрации или банках. Диалог с обществом – не их конёк. Этот тип социального восхождения сильно отличает команду Макрона от прежнего политического корпуса, члены которого были видными представителями правящих партий, имевшими за плечами долгое политическое восхождение, которым они обязаны своим избирателям – от муниципального советника до депутата и министра, и прочная обратная связь с электоратом для них являлась гарантией политического долголетия.

Социальная ограниченность технократов из ЭНА, их оторванность от реальной жизни, является предметом множества анекдотов, но она нарушает эффективность власти, если технократы меняют амплуа, превращаясь из высоко-

¹¹ Вопрос вынесен на обложку номера: [12, p. 29].

¹² *SMIC* – *Salaires minimum interprofessionnel de croissance* – гарантированный индексированный (с поправкой на инфляцию) минимум заработной платы. Введён во Франции с 1970 г.

классных экспертов-исполнителей в руководителей страны. Это несоответствие не замедлило сказаться, явившись одним из последствий реформ Макрона. Президент осуществил обещанную административную реформу, резко сократив бюрократию. В частности, каждому из министров требовалось ограничиться составом кабинета, не превышающим 10 человек. В первую очередь, люди Макрона пожертвовали, как и следовало ожидать, не профильными специалистами-профессионалами, а пресс-секретарями и политическими советниками. Между тем последние призваны просчитывать социальные и репутационные последствия предлагаемых реформ.

При новом президенте внутренняя мотивация правящей команды в корне расходится с интересами массы избирателей. Несмотря на то, что в 2017 г. благодаря непредвиденному экономическому росту Франция добилась снижения дефицита до 2,6% ВВП вместо допустимых 3%, правительство продолжает генерировать меры строгой экономии, больно сказывающиеся на повседневной жизни нижней категории среднего класса. Так, в 2018 г. была проведена крайне непопулярная мера, принесящая казне несколько сотен млн. евро, но стоившая Макрону падения рейтинга среди молодёжи. В целях экономии социальных фондов были снижены на 5 евро в месяц жилищные субсидии в помощь малоимущим студентам, вынужденным считать каждый сантиметр [12, р. 31]. Череда правительственных мер, направленных на снижение финансового дефицита, способствовала неуклонному росту общественного недовольства. В большинстве своём они особенно болезненно ощущались нижней категорией налогоплательщиков, для которой любое повышение налогового бремени означает качественное снижение уровня жизни, отказ от её маленьких радостей, столь ценимых французами. Именно этот разнородный слой людей со скромными доходами составил социальную базу «жёлтых жилетов».

Массовому избирателю трудно увидеть свои интересы в технократических рецептах Макрона. Но пропрезидентское движение является центром правящей коалиции, поддержанной и правоцентристским Демократическим движением (МоДем) Ф. Байру, и экологистами, к которым добавились «перебежчики» – министры и депутаты – из обеих бывших партий власти, как социалистов, так и «Республиканцев». В первом составе правительства Э. Филиппа, который обязан собственной политической карьерой партии «Республиканцев», во главе ключевых министерств (внутренних дел и экологического и солидарного развития) стояли видные представители левых – социалист Жерар Колон (*Gérard Collomb*), экологист Н. Уло (*Nicolas Hulot*), а Брюно Ле Мэр, который был одним из кандидатов на праймериз «Республиканцев», возглавил Министерство финансов. Правительство и абсолютное парламентское большинство (54% депутатов) обеспечивают высокую скорость принятия и реализации законов. К этому преимуществу добавляется эффект от особой законодательной практики Макрона, который предпочитает проводить кардинальные реформы президентскими декретами, что избавляет президента и правительство

от тормозящей и сковывающей процедуры парламентских обсуждений и обеспечивает скорость проведения реформ – непопулярных, но воспринимаемых правящим классом как необходимые.

В то же время, в отсутствие влиятельных оппонентов в законодательных институтах, президент оказался вне системы сдержек и противовесов, обеспечивающей демократическое обсуждение избранного курса, которое одно способно нарушить одиночество власти, заблаговременно указав ей на приемлемые для общества пределы преобразований. Результатом стало рождение социального протестного движения, уже вошедшего в историю под именем «жёлтых жилетов».

«Жёлтые жилеты» – новейшая реинкарнация антифискальных восстаний нижнего слоя налогоплательщиков

Главный побудительный мотив выступлений «жёлтых жилетов» – неприятие несправедливой налоговой системы, в особенности той тенденции, которая ясно обозначилась в правление Макрона. Во-первых, это сведение бюджета за счёт повышения косвенных налогов (ежедневно уходящих из карманов потребителей). Во-вторых, это бережное, щадящее отношение к имущим предпринимательским категориям для повышения инвестиционной привлекательности страны и экономического роста. В-третьих, это сужение путей перераспределения общественного богатства в пользу нуждающихся. Две основных претензии участников движения к фиску – несправедливое налогообложение и ещё более несправедливое перераспределение собранных налогов. Налоговое бремя во Франции самое тяжёлое во всём Европейском союзе. Обязательные налоговые вычеты достигают 46,2%. Между тем в последние годы количество налогооблагаемых субъектов неуклонно снижалось, главным образом, благодаря различным «фискальным нишам», из-за чего подоходный налог (IR) сегодня приносит вдвое меньше, чем НДС (TVA) [15, p. 10]. Зато крайне обременительным является вышеупомянутый всеобщий социальный налог (CSG), введённый для финансирования социальных фондов в 1991 г., при Ф. Миттеране. Поступления от него на 60% превышают суммы от взимания подоходного налога. Он вызывает особые нарекания, поскольку, в отличие от налога с доходов, который платят по прогрессивной шкале, отчего богатые платят больше (до 45%), социальный налог составляет фиксированные 10% от заработка. Низкооплачиваемые работники считают несправедливым уравнительный принцип социального налога, поскольку эти 10% при их скудном бюджете ощущаются болезненнее, чем теми, кто зарабатывает более миллиона евро в год. Львиную долю налоговых поступлений во французский бюджет дают отчисления, поступающие от рядовых налогоплательщиков со скромным достатком, в том числе, косвенные налоги. Последние предпочли бы заставить богатых платить больше, согласно прогрессивной шкале, которая представляется более справедливой с социальной точки

зрения. 75% французов недовольны отменой введенного Ф. Олландом 75% налога на крупные доходы¹³.

При Э. Макроне в фискальную систему был внесён ряд изменений, спровоцировавших общественное недовольство. Выполняя предвыборные обещания, Э. Макрон освободил самых богатых от налога на состояние (*Impot sur la fortune – ISF*), который приносил казне 3,2 млрд евро. Они теперь должны платить лишь налог на крупную недвижимость (*IFI – Impot sur la fortune immobilière*) и налог на доходы с капитала в 30%. По той же уравнительной ставке облагаются и доходы с любых банковских вкладов. Одним из главных поводов к протестному выступлению стало объявление правительства о введении нового «экологического налога» на горючее, затрагивающего, в первую очередь, сельскую Францию, для жителей которой автомобиль является единственным средством транспорта. В тот же момент правительство, между январём и октябрём 2018 г. снизило на 2/3 компенсации низкооплачиваемым категориям (*cotisations salariales*), не достигающим до минимума заработной платы. В период избирательной кампании эта компенсация была одним из программных обещаний Макрона, но в её реализации произошёл административный сбой: она не была включена в ежемесячные автоматические выплаты. К концу года для сдерживания инфляции, спровоцированной этими выплатами, министерство финансов предпочло притормозить их перечисление.

В то же время, 60% пенсионеров, совокупный доход которых позволяет фиску отнести их к категории обеспеченных граждан, получили налоговые уведомления, подтверждающие, что с 1 января 2019 г. они должны платить CSG (*cautisation sociale générale*) – всеобщий социальный взнос, поскольку новая налоговая реформа Макрона уравнила базу налогообложения. Теперь она не зависит от источника дохода, и фиску безразлично, составляет ли он заслуженную пенсию по старости или любые другие доходы. Реформа предусматривает упрощение взимания многообразного подоходного налога за счёт его преобразования в налог на источник дохода (*prélèvement à la source*) [3, с. 21]. Справедливости ради следует сказать, что реформа была предложена прежним президентом Ф. Олландом, но с ней был не согласен тогдашний министр финансов социалист М. Сапэн.

На что тратятся деньги налогоплательщиков? О том, сколько идёт на пособия и другие меры интеграции иммигрантов, во Франции говорить и писать не принято. Это – тема, зарезервированная за Марин Ле Пен. Между тем недовольные сходятся во мнении, что французская социальная модель государственного перераспределения доходов в связке налоги – социальная помощь является настоящей дырявой бочкой, нуждаясь в кардинальном реформировании. По мнению главы одного из ведущих политических еженедельников *Le Point*, Ф.-О. Жесбера, «Франция бьёт все рекорды государственных расходов

¹³ CNews. 25.01.19.

(по-французски – *dépenses publiques* – общественных расходов)» [13, p. 21]. Это 56,6% ВВП. Социальные расходы на душу населения во Франции на 12% выше, чем в соседней Германии. Налоги и социальные вычеты забирают 48,4%, что скрывает французскую экономику, но чего недостаточно для преодоления постоянного дефицита социальных фондов, которые, по всеобщему мнению, являются крайне расточительными. При 100-миллиардном дефиците, злоупотребления в сфере социальных отчислений (работа в чёрную, мошенничество с социальными пособиями и т.д.) оцениваются в 20 млрд евро. Настоящим Клондайком являются суммы, укрываемые от налогов (по самым скромным подсчётам – 20-25 млрд, а, по мнению синдикалистов из Управления по налогам, 80 млрд евро). Государственный долг страны приближается к 100% ВВП, и эта цифра на 40% превышает маастрихтские критерии. Критики нынешнего курса считают, что Макрону следовало бы навести порядок в расходовании общественных средств вместо того, чтобы покрывать издержки неэффективной системы, выдавливая соки из беднеющего среднего класса. Таким образом, в общественном сознании установлена прямая связь между падением покупательной способности и фискальными мерами, предложенными Э. Макроном.

Не случайно фискальная политика нынешнего президента воспринимается широкими слоями налогоплательщиков и пенсионерами как воплощение технократического высокомерия, но она органична для президентства Макрона, приоритетами которого является сведение бюджетного дефицита до 3% ВВП и восстановление инвестиционной привлекательности страны, т.е. создание благоприятных условий для крупного капитала. В то же время, она продиктована приоритетами внешнеполитического курса президента, центром которого является перезапуск европейского строительства. Э. Макрон действует на фоне брэкзита, ослабления влияния своего главного европейского партнёра и союзника А. Меркель, в условиях общего роста националистического популизма в странах ЕС, в частности, лишившись своего итальянского единомышленника М. Ренци, который уступил евроскептикам из «Движения пяти звёзд» и «Лиги Севера». Президент Франции стремится стать отличником зоны евро, но «маленький человек» в его стране не видит положительной связи между своими ежедневными заботами и этими амбициозными задачами. Не надеясь донести до верхов власти свои требования через привычную систему парламентского представительства, люди вышли на улицы, договорившись через социальные сети.

«Жёлтые жилеты» – особый тип массового социального движения. Оно зародилось стихийно. Это горизонтальное движение, не имеющее единого центра и лидера, и оно не спешит оформляться политически. «Жёлтые жилеты» не доверяют институтам представительной демократии (партиям и парламенту) и не ищут политических руководителей. В социальном плане движение поддерживает нижняя категория налогоплательщиков, доходы которой ближе к SMIC – узаконенной минимальной оплате труда (1650 евро). Низы среднего класса наи-

более сильно затронуты кризисом. Они несут растущую налоговую нагрузку, но не пользуются плодами перераспределения национального богатства в пользу неимущих. Цепь коррупционных скандалов свидетельствует об успехе борьбы с коррупцией, прогрессе равноправия и правового государства. Но бесконечные финансовые злоупотребления власть имущих народных представителей подрывали доверие к профессиональным политикам и институтам представительной демократии.

В стране, которая считается родиной идеологии Просвещения, политическая жизнь которой с XVIII по конец XX в. была отмечена идеологическим противостоянием консерватизма и либерализма и либерализма/социализма/коммунизма, возникает массовое движение, не ассоциирующееся ни с идеологическими, ни с политическими программами. Движение «жёлтых жилетов» скорее напоминает антифискальные восстания XVII-XVIII вв. – времени наибольшего ужесточения налогового гнёта, когда наиболее многочисленное Третье сословие вынуждено было нести всю налоговую нагрузку в королевстве, не будучи допущенным ни к каким социальным привилегиям. В своё время несправедливость фискальной системы стала одной из главных причин революции 1789 г.: Третье сословие потребовало налогового равенства и участия в принятии фискальных решений. Сегодня во Франции действуют принципиально другие законодательные инструменты представительной демократии, в рамках которых, скорее всего, будет найден приемлемый выход, но партийно-политическая система страны неизбежно претерпит кардинальные изменения.

Изначально особенностью движения «жёлтых жилетов» была его обособленность, даже одиночество, презрительное осуждение со стороны президента и настороженное отношение прогрессивных изданий, пытавшихся дать оценку движению. Э. Макрон пренебрежительно назвал «жёлтые жилеты» «толпой, одержимой ненавистью» (*la foule haineuse* – фр.), намеренно и несправедливо смешивая мирных демонстрантов и криминальные элементы – бесчинствующих громил, замешавшихся в их ряды. Автор одной из публикаций журнала *L'Express* в разделе «мнения» увидел в протестах жёлтых жилетов стихийное сопротивление новым условиям существования, которые подобно настоящему цунами накрыли тот тип французов, который в абсолютно неполиткорректных терминах можно назвать «маленьким Белым человеком» («*les petits Blancs*»). Об этих людях писал Ален Финкелькрот (*Alain Finkielkraut*) – член Французской академии, оригинальный философ, коренным образом расходящийся с образом мыслей современного интеллектуального и общественно-политического истеблишмента. Этот тип по-прежнему составляет основное население французской глубинки, которое боится деклассироваться не будучи в состоянии конкурировать с IT – «новыми белыми воротничками» и ностальгирует по «старой доброй Франции». Его раздражают призывы к толерантности, разговоры о культурном, этническом и религиозном разнообразии обновлённого европейского общества и, в отличие от прогрессивных интеллектуалов, он не испытывает сострадания

к жителям «трудных» (иммигрантских) кварталов, пытаюсь привлечь внимание государства к ухудшению собственного положения¹⁴.

В редакторской колонке *Le Point* была дана эмоциональная, но яркая характеристика «жёлтых жилетов». Её автор Ф.-О. Жисбер считает, что эта волна протеста «несёт в себе и худшее, и лучшее», что таит в себе народное сознание. «Лучшее: здоровый протест маленького человека, который рано встаёт, много работает за небольшие деньги и меньше других пользуется социальной помощью, и которого наша распрекрасная *французская-модель-которой-завидует-весь-мир* безжалостно и не стесняясь обглаживает до самой кочерыжки»¹⁵. Худшее – это некий красно-коричневый оттенок, которые разглядели в движении представители прогрессивных СМИ, особенно в начале его распространения: ползучий народный антисемитизм, навязчивую тему мирового финансового заговора. К этому добавляется ксенофобское неприятие «нашествия» мигрантов, дармоедов, «поглощающих» социальные пособия. В ряды «жёлтых жилетов», пусть и вопреки желанию большинства его участников, замешиваются члены радикальных группировок, сторонники «прямого действия», провоцирующие погромы и столкновения с полицией. Как правило, они одеты в чёрное и скрывают свои лица. «Жёлтые жилеты» протестуют против амальгамы своего мирного гражданского протеста и действующих под их прикрытием погромщиков, считая, что президент и правительство намеренно прибегают к этой ассоциации для дискредитации их движения. Для объективного ответа на вопрос о справедливости подобных суждений требуется провести социологическое исследование, посвящённое голосованию участников движения на предстоящих европейских выборах, в частности, процент проголосовавших за список Марин Ле Пен. Коричневый пигмент, который скорее подозревают, чем реально видят в «жёлтых жилетах», объясняет один из парадоксов нынешнего социального кризиса: к протестующим официально не присоединились ни профсоюзы, ни «Непокорённая Франция» Меланшона, вообще ни одна из левых партий. В их акциях не участвуют выходцы из иммигрантских сообществ, политкорректно называемые «жителями трудных кварталов» – неблагополучных предместий больших городов.

В свою очередь, «жёлтые жилеты» не стремятся встать под эгиду политически организованной левой оппозиции. Их антиевропейский настрой, в том числе, протест против европейских директив по приёму мигрантов, служат индикаторами принципиального расхождения между «жёлтыми жилетами» и социалистами, которые в этих вопросах ближе к прогрессисту Макрону.

Тактика протестующих не едина, но она отражает их состав. Это люди работающие, поэтому дни всеобщей мобилизации не походили на профсоюзные забастовки: начиная с 17 ноября 2018 г. каждую субботу по призыву из социаль-

¹⁴ Alexandre L. La crise des gilets jaunes va durer cent ans. *L'Express*. N 3525. 23 janvier 2019. P. 24.

¹⁵ Ibid. P. 5.

ных сетей люди в «жёлтых жилетах» собираются на манифестации, в первую очередь, в крупных городах страны, чтобы быть увиденными и услышанными. Центрами массовых протестов помимо Парижа стали Марсель, Тулуза, Бордо, Нант, Лион и ряд других больших городов. Однако мирные шествия, к крайнему неудовольствию большинства их участников, неизменно сопровождаются провокациями радикалов, нацеленных на силовое противостояние с защитниками правопорядка – традиционная тактика ультра, мечтающих о «городской гражданской войне». Они составляют где-то 1% от участников манифестаций. Так, в четвёртом «Акте мобилизации» 7 декабря 2018 г. участвовали 120 тыс. человек и 1200 человек были задержаны полицией за участие в беспорядках¹⁶. Эти бесчинства не только приводят к большим убыткам, но и вызывают ответные жёсткие действия полицейского спецназа и особых отрядов жандармерии, которым во Франции в крайних случаях разрешено применять не только водомёты, но и резиновые пули и гранаты со слезоточивым газом. Отряды радикалов в ответ вооружаются подручными средствами, поскольку полицейские на дальних подступах к месту сбора отбирают у них все опасные предметы. Они используют очки для плавания и строительные респираторы как защиту от слезоточивого газа и теннисные ракетки, чтобы отбивать полицейские гранаты. С начала протестов около 1000 человек с обеих сторон стали жертвами насилия, 11 человек погибли¹⁷. День мобилизации 2 февраля 2019 г. был посвящён протестам против жестокостей сил правопорядка, и с того момента к лозунгам «жёлтых жилетов» добавился протест против полицейского насилия. Поводом стало тяжёлое ранение одного из вожаков «жёлтых жилетов» Жерома Родригеса¹⁸. Справедливости ради следует заметить, что если первоначально, несмотря на массовые аресты¹⁹, погромщикам в масках порой удавалось уйти от ответственности, то каждое ранение гражданского лица в результате действий полицейских, согласно принятой процедуре, становилось предметом расследования со стороны внутренних полицейских надзорных органов.

В дополнение к крупным общенациональным субботним акциям на протяжении первых недель протеста, на местном уровне «жёлтые жилеты», сменяя друг друга, перекрывали дороги, особенно перекрёстки сельских дорог, проезд по которым организован по принципу кругового движения (*rond-points* – фр.). Эти протесты, буквально парализовав ряд регионов Франции, как правило, вызывали сочувствие автомобилистов, ощущавших солидарность и единство интересов с протестующими.

Возникнув как протест против налогов на горючее (*TPP* – *Taxes pour les produits pétroliers*), движение постепенно переросло в протест против общей политики президента, причём к требованиям отставки Макрона добавились ло-

¹⁶ BFMTV. 08.12.18.

¹⁷ BFMTV. 17.02.19.

¹⁸ Cnews. Dernière minute. 26.01.19.

¹⁹ На середину февраля 2019 г. было вынесено 1786 приговоров участникам беспорядков. BFMTV. 17.02.19.

зунги более широкого плана. Речёвка, которая звучала рефреном демонстрации 26 января 2019 г. в Ницце, гласила: «Мы не хотим такого общества» («*Nous-ne-voulons-pas/De-cette-société-là*» – фр.). Протестующие сформулировали ряд общих требований, за которыми, однако, стоят достаточно разнородные интересы: демонтаж реформ Макрона, снижение налогов и повышение покупательной способности низов среднего класса. В политическом плане, они выступают за народное представительство, против профессиональной политики, за пропорциональную избирательную систему и проведение «референдума гражданской инициативы» (RIC) как площадки прямого обсуждения насущных преобразований, с решающим голосом избирателей²⁰. Пенсионеры требуют повышения пенсий и отмены социального налога со своих доходов, люди трудоспособного возраста – достойной оплаты труда. В целом они хотят социальной справедливости в смысле справедливого перераспределения богатства, и справедливой системы налогообложения, хотя справедливость для одних всегда оборачивается несправедливостью в понимании других.

«Жёлтые жилеты» ставят правительство перед главной дилеммой последних десятилетий: взаимоисключающим выбором между экономическим ростом и сохранением французской модели социального государства, снижающей инвестиционную привлекательность страны. При всём размахе, движение «жёлтых жилетов» не отражает всего спектра проблем современной Франции, добавляя к ним новые. На 18-й день протеста против «экологического» налога, 16 марта 2019 г., на улицы французских городов вышли 32 тыс. человек в жёлтых жилетах, но в тот же день по всей Франции 350 тыс. собрались на экологическую демонстрацию в защиту окружающей среды, из них только в Париже 65 тыс. человек²¹. Протесты «жёлтых жилетов», пик которых пришёлся на время рождественских продаж 2018 г., больно сказались на французской экономике, снизив доходы в торговле и туристическом секторе городов, ставших центрами субботних выступлений: торговый оборот лавочек и ресторанов там снизился за первые два месяца выступлений на 30-50%: они вынуждены закрываться в «базарные дни», опасаясь погромщиков²².

Идея «больших национальных дебатов»: вернуть общественную дискуссию в русло представительной демократии

На протяжении двух первых месяцев президент демонстративно игнорировал начавшиеся протесты, предпочитая полагаться на полицейские силы для восстановления порядка. Несмотря на бурные и многочисленные манифестации, он не изменил своего рабочего графика и в начале декабря 2018 г. отправился в Аргентину на саммит Большой двадцатки. Это вызвало углубление

²⁰ France 24. 05.12.18.

²¹ France 24. 17.03.19.

²² BFMTV. 27.01.19.

кризиса, поскольку протестующие увидели в поведении главы государства высокомерное нежелание «президента богачей» выслушать простого человека.

Высказывания людей, не склонных критиковать Макрона, свидетельствуют об осознании в высших политических эшелонах глубины переживаемого кризиса. Глава французского МИД Ж.-И. Ле Дриан вскоре после первого дня мобилизации «жёлтых жилетов» призвал правительство «услышать страдания» участников протестов²³. Оказавший поддержку Макрону в ходе выборов лидер центристов Ф. Бейру (MoDem) заявил в интервью *Europe 1*: «Нельзя править против народа»²⁴. Между тем, попытка премьер-министра Э. Филиппа завязать диалог с жёлтыми жилетами, пригласив их активистов в Матиньонский дворец²⁵, показала, что те не имеют и не могут иметь полномочных представителей: их активисты разобщены и не признают друг друга в качестве лидеров. Это обстоятельство обесценивало любые переговоры и не позволяло следовать привычной практике взаимодействия с протестующими, усаживающей за стол переговоров правительство и профсоюзных лидеров.

Общенациональный масштаб и регулярный характер акций, а также вопиющие акты вандализма, учинённые радикалами во время манифестации «жёлтых жилетов», заставили президента предпринять меры к урегулированию кризиса. Обращаясь к депутатам пропрезидентского большинства Национального собрания 4 декабря 2018 г., премьер-министр Э. Филипп назвал происходящее «центральным моментом» пятилетнего срока Э. Макрона²⁶. В тот день Э. Макрон прилетел из Буэнос-Айреса, с саммита G20, откуда по телевизору наблюдал кадры субботних (01.12.18) столкновений радикалов с полицией, волны слезоточивого газа, направленные защитниками порядка на разбушевавшихся демонстрантов и осквернённую погромщиками Триумфальную арку над вечным огнём Неизвестному солдату – один из символов Республики на пл. Шарля де Голля. По возвращении Э. Макрон отправился в городок Пюи-ан-Веле – в один из эпицентров субботних протестов, где во время акции протеста «жёлтых жилетов» погромщиками была сожжена префектура. Пожалуй, впервые в своей публичной карьере он, который так любит напрямую отстаивать собственную позицию, уклонился от прямого диалога с протестующими, что не избавило президента от оскорблений демонстрантов, стихийно собравшихся лично выразить ему своё возмущение. Тогда же «жёлтые жилеты» одержали первую крупную победу. Глава кабинета объявил об отсрочке введения экологического налога на горючее (ТРР), о замораживании цен на газ и электричество на полгода и о сохранении прежнего порядка технического контроля для автомобилистов, ужесточение которого было намечено с января 2019 г. «Никакой налог не стоит разрушенного национального согласия», – заявил Э. Филипп, объяс-

²³ Entretien avec J.-Y. Le Drian. *Europe 1*. 19.12.18.

²⁴ Entretien avec F. Bayrou. *Europe 1*. 30.12.18

²⁵ BFMTV. 07.12.19.

²⁶ BFMTV. 05.12.18.

няя уступки правительства²⁷. Пауза, которую взяло правительство, позволила выиграть время, снизить протестную активность и рост стихийного насилия, но предложенные меры не могут служить долгосрочным решением, усугубляя бюджетные проблемы. Компенсировать потери в случае продления моратория на «экологический налог» до конца 2019 г. может снижение государственных расходов, что предполагает повышение планки бюджетного дефицита до 3,5 % ВВП, что уже допустил представитель Франции, еврокомиссар П. Московичи. По словам председателя финансовой комиссии Национального собрания Э. Вёрта (Eric Woerth) («Республиканцы»), у правительства нет запасного варианта на этот случай²⁸. Оно может снизить расходы, ускорив проведение начатых реформ – сокращение чиновников и пенсионную реформу, но подобные меры требуют широкой общественной поддержки, на которую трудно рассчитывать на фоне массового антиправительственного и антипрезидентского движения «жёлтых жилетов».

За мораторием на введение одиозного нового налога последовал ряд точечных мер, направленных на повышение покупательной способности уязвимых слоёв населения, в частности, повышение СМИКа на 100 евро, освобождение выплат за сверхурочную работу²⁹ от подоходного налога и невысоких пенсий – от Всеобщего социального налога. Параллельно правительство предложило пакет законов для борьбы с беспорядками. 29 января, после жестоких столкновений минувшей субботы, министр внутренних дел Кристоф Кастанер обратился к молодёжи с призывом не поддерживать действия радикалов и представил проект закона против погромщиков. Он предусматривал материальную и уголовную, а не административную, как прежде, ответственность за испорченное ими частное и муниципальное имущество (сожжённые автомобили и мусорные баки, разрушенные террасы кафе, повреждённые скамейки и ограды). Погромщикам угрожает наказание до пяти лет тюремного заключения и штрафы в возмещение убытков³⁰. 30 января Национальное собрание обсуждало т.н. «закон против погромщиков» об ужесточении порядка проведения демонстраций, запрещающий скрывать лицо под маской и отказывающий в праве на участие тем, кто в прошлом задерживался за нарушение порядка³¹. Закон был одобрен Сенатом 12 марта 2019 г.³². Однако, уже 18 марта, после ожесточённых уличных столкновений 16 марта, президенту и правительству пришлось вновь вернуться к теме борьбы с беспорядками.

Если с ноября в результате протестов «жёлтых жилетов» рейтинг премьер-министра упал на 10%, до 26%, а рейтинг президента – на 6%, до 23%, то предло-

²⁷ BFMTV. 07.12.19.

²⁸ BFMTV. 29.01.19.

²⁹ Эта мера была введена в правление Н. Саркози в 2007 г., но отменена в правление Ф. Олланда, с 2012 г.

³⁰ BFMTV. 29.01.19.

³¹ BFMTV. 30.01.19.

³² Quercia Y. Loi « anticasseurs » : la saisie du Conseil constitutionnel par E. Macron divise le Sénat: [электронный ресурс]: <http://www.publicsenat.fr> (дата обращения 13.03.2019)

женные меры привели к частичному восстановлению доверия к власти: рейтинг Макрона сразу вырос на 4%, а рейтинг премьер-министра, которому выпала объявить об уступках – на 6%. В результате, к концу января 2019 г. они составили соответственно 31% и 36%³³.

Одним из ближайших последствий отступления правительства является перекройка бюджетных планов, и в этом уже можно увидеть доказательство убедительного успеха протестующих. Им удалось перечеркнуть амбициозный план Макрона перевыполнить маастрихтские обязательства в 2019 г., не только сведя государственный дефицит к разрешённым 3% (достижение 2017 г.), но снизить его до 2,8%. В то же время, ожидаемое замедление роста на 2019 г. не даёт надежд на возможность компенсировать потери от моратория на экологический налог и расходы на повышение покупательной способности, составляющие 0,1 ВВП. Ведь весь комплекс экологических налогов на горючее должен был принести уже в первый год казне 4 млрд евро³⁴. *Le Monde* назвала этот шаг «первым отступлением» правительства и озвучила цену обещанных уступок: бюджет недополучит минимум 2 млрд евро, а увеличение зарплаты низкооплачиваемых работников на 100 евро в месяц неминуемо приведёт к повышению стоимости труда для предпринимателей³⁵. Возможные долгосрочные результаты этого поворота кардинально расходятся с общим направлением курса Э. Макрона, поэтому для правительства речь идёт о мерах временных и частичных, призванных снизить накал социальной напряжённости, но не затрагивающих базового мотива протестов – несогласия большинства французов (на ноябрь 2019 г. – 75%)³⁶ с общим трендом экономической, в первую очередь, фискальной политики³⁷. В их представлении стремление президента вернуть Франции инвестиционную привлекательность благодаря созданию благоприятных налоговых и юридических условий для предпринимателей заставляет его действовать в интересах богатых, перекадывая издержки выхода из кризиса на широкие слои рядовых налогоплательщиков, снизив фискальную нагрузку на крупный капитал.

Требования «жёлтых жилетов» уже не сводятся к отмене экологического налога. К ним добавляются разнообразные меры, направленные на глубокие изменения политической системы страны, отстранение сложившейся политической элиты от законотворчества, в частности, предусматривающие отказ от верхней палаты парламента – Сената и проведение Референдума гражданской инициативы (RIC – *Réferendum d'initiative citoyenne*) – не совсем внятное, но по сути означающее отказ от институтов представительной демократии в пользу практики «прямой» демократии – демократии участия (*démocratie participative*). Требование справедливого налогообложения предусматривает восстановление

³³ Faye O., Lemarié A., Rescan M. Edouard Philippe espère désamorcer la colère et sauver son poste. *Le Monde*. 06.01.19.

³⁴ Tonnelier A. Le moratoire coûtera 2 milliards d'euros. *Le Monde*. 06.12.2018.

³⁵ Malingre V. Cette folle semaine où le quinquennat a bosculé. *Le Monde*. 06.12.18

³⁶ По опросам общественного мнения, 75% выступили за восстановление отменённого Макроном 75% налога на крупные доходы, введённого в правление Ф. Олланда. BFM TV. 06.01.19; *Euronews*. 07.01.19.

³⁷ Faye O., Lemarié A., Rescan M. Edouard Philippe espère désamorcer la colère et sauver son poste. *Le Monde*. 06.01.19

отменённого Макроном налога на крупные состояния (ISF), лозунг социальной справедливости – достойную оплату за труд, в первую очередь, повышение минимальной заработной платы и пенсий. Главную претензию и смысл существования «жёлтых жилетов» каждую субботу можно было слышать в теленовостях, из интервью рядовых участников движения: «мы хотим быть услышанными», «мы хотим жить достойно», «условия в диалоге с властями теперь будем диктовать мы сами». Большинство манифестантов не снимают требования отставки Э. Макрона. Таким образом, частичных уступок оказалось недостаточно, и протесты и акты насилия во время еженедельных «дней общенациональной мобилизации» не прекратились, хотя число протестующих значительно снизилось. В первую же субботу после объявления об отзыве налога на топливо, 8 декабря на демонстрации вышли на 10 тыс. человек меньше, чем 1 декабря (126 тыс. против 136 тыс.). Затем происходило неуклонное резкое падение численности протестующих, как оказалось, связанное, скорее с приближением Рождества и Нового года: 15, 22, 29 декабря их собиралось всё меньше, соответственно 66 тыс. (падение вдвое по сравнению с предыдущей неделей), 38 тыс., 12 тыс. После новогодних праздников график участия снова резко пошёл вверх: 50 тыс. 5 января, по 84 тыс. 12 и 19 января. Правительственные распоряжения по наведению порядка в стране дали результаты: после объявления об ужесточении наказания за вандализм и несанкционированные акции резко снизилось число стихийных и насильственных выступлений вроде перекрытия дорог, и увеличилось число заявленных и разрешённых акций. С конца января 2019 г. кривая участия в днях мобилизации опять плавно падала. 26 января по всей Франции в протестах участвовали 69 тыс.; со 2 по 16 февраля число участников снизилось с соответственно 58 600 до 41 тыс. протестующих, но 23 февраля на улицы вышли около 47 тыс.³⁸, в первую субботу марта – около 40 тыс.³⁹, а через неделю – 28 600 человек, что в десять раз меньше, чем в день первого акта мобилизации 17 ноября⁴⁰. Весной 2019 г. график участия колебался. 16 марта «жёлтые жилеты» вывели на улицы 32 тыс. человек, 6 апреля на демонстрации по всей Франции собралось только 22 300 человек, а после небольшого скачка на акции 27 апреля, собравшей 23 600 участников, число демонстрантов серьёзно снизилось: 4 и 11 мая оно достигало, соответственно, 18 900 и 18 600⁴¹.

Только на первых порах для пары Э. Макрон – Э. Филипп самой сложной проблемой взаимодействия с протестующими был горизонтальный характер движения, в котором есть инициаторы, но отсутствует единое руководство. Макрон не раз заявлял, что «жёлтые жилеты» на улицах не могут являться стороной переговоров с правительством, поскольку непонятно, кого они представляют. Во всяком случае, это не вся Франция. И это убедительно доказала

³⁸ France 24. 24.02.19.

³⁹ France 24. 03.03.19.

⁴⁰ France 24. 10.03.19.

⁴¹ France 24. 28.04.19, BFMTV. 05.05.19, 12.05.19.

воскресная демонстрация 27 января 2019 г., опознавательным знаком участника которой стали красные шарфы (*foulards rouges*), цвет которых отсылал к историческому республиканскому символу – красному фригийскому колпаку. По призыву неизвестного инициатора (его имя Лоран Суйе – *Laurent Souillé*), также разосланному через социальные сети, только в Париже собрались 10 500 человек. Они назвали себя «представителями молчаливых французов», требующих прекратить насилие и вернуться к общественному диалогу⁴².

Исходя из этого, 25 января 2019 г. Э. Макрон обнародовал найденное решение, пригласив французских граждан к широкому общественному диалогу, одной стороной которого являются власти. Другая, и в этом суть, не идентична «жёлтым жилетам», что не исключает их индивидуального участия. Он выдвинул идею организации «больших национальных дебатов» (*le grand débat national*) – фр.), возложив их проведение на мэрии по всей стране. В этих дебатах в течение месяца могли принять участие все желающие, каждому отводилось одинаковое время на выступление, согласно регламенту собрания, обычно, пара минут. «Большие дебаты» открыли «второй акт» президентства Э. Макрона, в котором он намерен сделать акцент на диалоге с обществом. Эта тема активно продвигается в выступлениях президента после 9 января 2019 г., и для оглашения своей политики он использовал словарь «жёлтых жилетов», которые каждую субботу приступают к новому, очередному, «акту» действия [14, p. 30].

Можно предположить, что умеренная часть «жёлтых жилетов» положительно отреагировала на предложение президента начать широкое общественное обсуждение болезненных проблем, о чём свидетельствовал недолгий спад участия в днях мобилизации. Но по мере его реализации стало понятно, что всеобщие дебаты не устроили активистов движения, которые поняли, что их требования могут раствориться в общенациональной дискуссии. Они сразу заявили, что Макрон «пускает им пыль в глаза»⁴³, и кривая участия 23 февраля 2019 г., на фоне начала дебатов опять пошла вверх. «Жёлтые жилеты» считают, что Макрон присвоил их идею проведения «референдума гражданской инициативы», выхолостив её суть, чтобы расколоть протестующих, растворив их требования в общенациональной дискуссии с индивидуальным участием и по частным вопросам. В течение апреля 2019 г., в разгар подведения итогов «больших дебатов», число участников манифестаций жёлтых жилетов стабилизировалось вокруг 30 000. При этом протестующие не сняли своего изначального требования проведения референдума гражданских инициатив, не удовлетворившись национальной консультацией, проведённой по инициативе президента.

Между тем общественные обсуждения, инициированные Макроном, являются практикой, необычной для французской модели представительной демократии, в которой политические партии разрабатывают и предлагают адресные

⁴² BFMTV, 27.01.19.

⁴³ BFMTV, 30.01.19.

программы, а граждане выбирают из предложенного наиболее близкий им вариант. Здесь же граждане высказывают свои «жалобы и пожелания», которые регистрируются подобно наказам Генеральным штатам в заседаниях, организованных мэриями, что увеличивает историческое сходство с приходскими собраниями к Генеральным штатам 1789 г., на которых каждый приход (матрица религиозно-общественной жизни во Франции при Старом порядке) составлял наказы депутатам. Главы семейств («очагов», которые были тогда податной единицей) были приглашены не только избирать депутатов, но и участвовать в составлении списка «жалоб и пожеланий» (*plaintes et doléances*), которые, как они надеялись, лягут в основу назревших преобразований. Поведение президента также отсылает к далёкому времени сословного неравенства. В ответ на протесты Э. Макрон заявил, что «некоторые французы потеряли ощущение (необходимости) работать», по сути, обвинив протестующих в социальном иждивенчестве. Реакция президента напомнила обозревателям, знакомым с французской историей, знаменитую королевскую фразу времён Людовика XVI – верх высокомерия и непонимания между властью и страдающим народом: «они жалуются, что у них нет хлеба? Пусть едят бриоши (в русском варианте – пирожные)». По их мнению, столь же возмутительные фразы не раз приходилось слышать от Э. Макрона, который стремится переключить внимание общества с преодоления экономического неравенства между богатыми и бедными на преодоление неравенства между успешными и «лузерами», что, по его мнению, требует лишь личных усилий⁴⁴ [9]. «Социальное неравенство в нашем обществе не из самых высоких, зато в нём в наибольшей степени присутствует социальный иммобилизм», – так оценил Э. Макрон суть проблемы занятости [14, р. 135]. Именно это он имел в виду, когда в ответ молодому человеку из толпы, который жаловался, что он уже несколько месяцев не может найти работу, сказал: «достаточно перейти через улицу, чтобы найти работу». Но для тех, кто долгое время находится в поисках работы, это были слова выходца из семьи высококвалифицированных врачей, живущего в одном из самых модных и богатых кварталов Парижа (ул. Сен-Доминик), с лучшими дипломами и рекомендациями.

Хотя исторические аналогии напрашиваются сами собой в связи с заметной авторитарной тенденцией нынешнего правления, противостояние власти и участников антианалоговых выступлений наполнено иным содержанием. Макрон призывает своих сограждан к ответственному поведению и хочет вернуть широкую общественную дискуссию в легальное поле, передать инициативу в руки правительства и муниципальных властей. Президент стремится выиграть время, определить главные болевые темы общественного недовольства, убедить электорат в безальтернативности своего курса к европейским выборам 26 мая 2019 г., которые, как он понимают, могут превратиться в референдум против

⁴⁴ О «макронизме» как об образе мыслей и способе управления см.: Cayrol R. Le président sur la corde raide. P., Calmann-Levy, 2019.

его политики. Он дальновидно не снял, но отложил вопрос о введении «экологического налога» до лета, т.е. до времени отпусков, когда эти выборы останутся далеко позади. В действительности, аудитория «больших дебатов» намного превосходила масштаб движения «жёлтых жилетов»⁴⁵. Министры и видные депутаты правящего большинства, сам президент, разъезжали по стране, чтобы принять деятельное участие в обсуждении, продемонстрировать, что партия власти стремится к прямому диалогу с гражданами. Исторические параллели впечатляют, но в данном случае они искажают суть избранной Макроном стратегии преодоления кризиса. В общем политическом контексте, в условиях потребительской демократии, можно сравнить президента Макрона с опытным дельцом, который проводит широкую кампанию по изучению рыночного спроса, прежде чем выбросить на него новый избирательный продукт.

Недовольные Э. Макроном обвиняют президента в высокомерном презрении к народу и нежелании прислушаться к общественным запросам. Предложение начать «большие дебаты» было призвано оспорить это впечатление, тем более, что оно не отражает всей гаммы восприятия президента обществом. Через неделю после запуска «больших дебатов» телекомпания BFMTV опубликовала результаты опроса на тему «Что вы думаете об Э. Макроне?», сравнив их с результатами опроса, проведённого в декабре 2018 г. 78% – 76% соответственно считают его авторитарным и высокомерным, что на 5% превосходит цифры предпоследнего опроса. В то же время, значительно (на 13 пунктов) вырос процент тех, кто считает президента отважным и динамичным (соответственно 57% и 70%)⁴⁶.

«Большие дебаты» дали всем желающим возможность высказаться. На большой пресс-конференции по их итогам, данной президентом 25 апреля, Э. Макрон, отметив, что он услышал участников протестов последних месяцев, заявил о приверженности избранному курсу: «Надо ли остановить то, что сделано за прошедшие два года? Разве мы шли по ложному пути? Я считаю, что нет»⁴⁷. Не было учтено и центральное требование «жёлтых жилетов» о проведении референдума гражданской инициативы. Э. Филипп в своём выступлении перед депутатами 10 апреля с изложением итогов больших дебатов огласил широкую программу «великих строек», намеченных президентом в соответствии с основными пожеланиями граждан, в центре внимания которых оказались проблемы, изначально не относившиеся к проблематике. Закрытие местных школ и больниц интересовало их больше, чем налог на горючее. Премьер-министр заявил, что намеченное было сокращение 120 000 постов в государственном секторе, затрагивающее здравоохранение и образование, больше не является приоритетом его правительства. Оппозиция увидела в представленной программе логическое

⁴⁵ Согласно опросам начала декабря, 25% заявили, что они – «жёлтые жилеты» при общественной поддержке от 75% в конце ноября до 68% к 8 декабря. *France 24*. 08.12.18.

⁴⁶ BFMTV. 31.01.19.

⁴⁷ Franceinfo. 26.04.2019.

продолжение программы Макрона, что справедливо только отчасти⁴⁸. Массовое протестное движение заставило президента заняться отлаживанием механизма обратной связи с избирателями, по возможности избегая острых столкновений с интересами гражданского общества, особенно в виду приближения европейских выборов. Несмотря на то, что на фоне проведения больших национальных дебатов происходил постепенный спад активности «жёлтых жилетов», думается, не стоит приписывать его исключительно успеху консультации, задуманной Макроном в качестве ответа протестному движению.

Уступая в частностях, Э. Макрон не собирается и не может пойти на принципиальные уступки «жёлтым жилетам», потому что отказ от избранного курса для него будет равносителен политическому поражению [2, с. 29; 4, с. 19; 14, р. 29]. К тому же «жёлтые жилеты» не представляют всей Франции, но они представляют активную часть низшего среднего класса, заражённого чувством социального неблагополучия, интересы которой несовместимы с убеждениями либерального прогрессиста Э. Макрона. Президент видит в движении стихийную, консервативную и даже ретроградную оппозицию прогрессу, заявляя, что сегодняшний раскол во Франции и в Европе в целом проходит по линии противостояния прогрессистов и популистов⁴⁹. В реальности популисты способны приручить стихийное гражданское движение, но не являются его базовым элементом, и без анализа результатов партийно-политических предпочтений участников «жёлтых жилетов» на европейских выборах нельзя с уверенностью ассоциировать движение с популистскими течениями.

Сопротивление политике президента слева также достаточно велико, но оно не идентично «жёлтым жилетам». 1 мая на демонстрации под красными знаменами профсоюзов и «Непокорённой Франции», которая призвала «устроить Макрону праздничек» («faire la fête à Macron») собрались по разным подсчётам от 150 до 300 тыс. человек, многие из которых пришли в жёлтых жилетах. Однако, доля этой группы протестующих среди участников демонстраций, организованных левыми силами, относительно невелика, что показывает гораздо более скромное число участников XXIV акта их мобилизации, состоявшейся всего через два дня после первомайской демонстрации, а также последующего XXV акта (18 900 – 18 600 человек). Следует также отметить, что цифры участия в акциях «жёлтых жилетов» весьма приблизительно отражают число его потенциальных сторонников. При всём его размахе, лишь несколько сотен человек по всей стране могли заявить в *Facebook*, что принимали участие во всех его акциях, начиная с осени 2018 г.⁵⁰

⁴⁸ France : l'opposition critique vertement le compte-rendu du Grand Débat: [электронный ресурс]: <http://www.m.rfi.fr/france/201904-france-grand-debat-premier-ministre-edouard-philippe-presentation-reaction-opposition> (дата обращения: 13.05.19).

⁴⁹ France 24. 11.05.19.

⁵⁰ Le Monde. 04.05.19.

Задумываясь о причинах спада мобилизации, который пришёлся на конец весны, можно предположить, что он связан с началом активной избирательной кампании к европейским выборам 26 мая 2019 г. Не исключено, что активисты «жёлтых жилетов» надеются, как того опасается правительство, превратить их в референдум против президента, вернув конфликт с властью в русло протестного голосования. Из 33 списков кандидатов от различных политических партий и общественных организаций три заявляют о своей приверженности движению «жёлтых жилетов», что с осторожностью может быть расценено как попытка политической консолидации, поскольку они не представили единого списка. Таким образом, весенний спад активности не означает затухания протестного потенциала. Напротив, в последние месяцы можно констатировать большую солидарность «жёлтых жилетов» с другими протестными группами, прежде всего, с профсоюзами работников общественного транспорта, выступающими, в частности, против приватизации парижского аэропорта «Руасси», и с медперсоналом государственных больниц, требующим увеличения финансирования.

В свою очередь, лидеры общественного мнения отказались от первоначально настроенного отношения к «жёлтым жилетам», от автоматического смещения «жёлтых жилетов» и погромщиков – возмутителей общественного спокойствия, которое навязано правительством. 4 мая в авторитетной газете *Libération* было опубликовано открытое письмо, подписанное 1400 деятелями культуры, среди которых имена известных писателей, художников и актёров, в частности, Жюльет Бинош и Эмманюэль Беар⁵¹. Отождествляя себя с «жёлтыми жилетами» начальной фразой – «мы – «жёлтые жилеты»», они протестуют против демонизации движения, участников которого правительство хочет представить «антиэкологистами, экстремистами, расистами, громилами», осуждая ужесточение репрессий против участников акций, как нарушение фундаментальных гражданских свобод. Известная романистка, член Французской Академии Даниэль Саленав опубликовала эссе в поддержку движения, осуждая атмосферу «классового презрения» со стороны благополучной части общества, объектом которого стали «жёлтые жилеты»⁵².

Несмотря на то, что «жёлтые жилеты», несомненно, войдут в историю Франции и, подобно маю 1968 г., движение может давать ростки в виде многообразных гражданских протестов, ему вряд ли уготовано большое политическое будущее. С организационной точки зрения, «жёлтые жилеты» – оппозиционное движение, нетипичное для современной демократической модели, и в его характере заложено внутреннее противоречие. Несмотря на широкий размах и многомесячные регулярные выступления, ему не удалось выдвинуть единого руководства, единой программы, единого списка кандидатов. Это, на первый взгляд, кажется слабой стороной движения, мешает ему стать матрицей обнов-

⁵¹ Gilets jaunes : nous ne sommes pas dupes! *La libération*. 04.05.19

⁵² Sallenave D. Jojo de gilet jaune. Paris, Gallimard, 2019.

лѐнной оппозиции по типу различных популистских партий и движений «рассерженных граждан» в соседних странах, несмотря на то, что подобная оппозиция была бы крайне востребована в связи с приближением всеобщих выборов в Европарламент и кризисом системных партий. Однако именно эта черта является способом существования «жѐлтых жилетов» как воплощения гражданского общества. Секрет массовой поддержки горизонтального, политически неорганизованного движения как раз и состоит в том, что у «жѐлтых жилетов» нет чѐтко сформулированной, связной и положительной программы. По мнению французского политолога Б. Мореля, как только кто-то из «жѐлтых жилетов» попытается чѐтко сформулировать его положительную программу, движение начнѐт дробиться, рассыпаться на группы по интересам⁵³.

В то же время не следует считать движение случайным и преходящим явлением без будущего. В своё время движение зелёных, которое дало толчок к глобальному развороту к защите экологии, тоже стремились представить как противодействие промышленному прогрессу. «Жѐлтые жилеты» уже являются своего рода референцией, обозначающей стихийный гражданский протест. Несмотря на первоначальный отказ от политической консолидации, они играют важную роль в налаживании модели взаимодействия граждан с властью в период разложения привычной партийной системы, призванной отстаивать интересы избирателей перед властями. По сути их требования прямой демократии служат горизонтальной альтернативой вертикальной модели власти, предложенной Э. Макроном. Размах движения уже вынудил президента задуматься о поисках формата диалога с гражданским обществом. В то же время представленный «жѐлтыми жилетами» пример мощной мобилизации на акции социального протеста, возможной без идейного руководства и организационной структуры, через социальные сети, заставляет задуматься о будущем традиционных партий и профессиональной политики во Франции.

Список литературы:

1. Бунин И.М. Выборы Макрона или выбор Франции: французская политика в 2017-2018 гг./ Науч. ред. Ю.И. Рубинский. М.: Школа гражданского просвещения, 2018. 200 с. ISBN 978-5-93895-122-8
2. Клинова М.В. Приватизация во имя инноваций во Франции // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 29-38. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
3. Костюк Р.В. Французские левые: время поражений // Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 142- 150. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7
4. Кудрявцев А.К. Социально-экономический курс президента Э. Макрона: между стратегией и тактикой// Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 18-29. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
5. Лапина Н.Ю. Франция 2017: новый формат политического пространства // Франция при

⁵³ En directe : Entretien avec Benjamin Morel. *France* 24. 12. 01.19.

- президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 66-75. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
6. Президентские выборы во Франции – 2017: материалы межинститутского круглого стола / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2017. DOI: 10.20542/978-5-9535-0498-0.
 7. Преображенская А.А. «Республиканцы»: поражения 2017 г. и их политические последствия // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 101-108. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
 8. Рубинский Ю.И. Франция на перепутье // Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века / Отв.ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П.Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С.88-96. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7
 9. Рубинский Ю.И. Франция президента Э. Макрона: первые шаги // Франция при президенте Эммануэле Макроне. В начале пути. / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 10. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3
 10. Cayrol R. Le président sur la corde raide. Paris: Calmann-Levy, 2019. 275 p.
 11. Donégani J.- M., Sadoun M. La V-ème République. Naissance et mort. P: Calman-Lévy, 1998. 320 p.
 12. Dupont L., Vignaud M., Bruckert E., Pérou O. Macron face aux technocrates. C'est qui le patron ? // Le Point. N 2421. 24.01.2019. P. 29-35.
 13. Giesbert F.- O. La farce française du « trésor caché » // Le Point. N 2421. 24.01.19. P. 5-6.
 14. Lhaik C. Pourquoi il ne changera pas // L'Express. 23.01.2019. P. 28-33.
 15. Macron par Macron. Sous la coordination de E. Fottorino. P. : Editions de l'Aube, 2017. 137 p.
 16. Mathieu B. Et si on rendait l'impôt plus juste ? // L'Express. 23.01.19. P. 10.

Об авторе:

Евгения Олеговна Обичкина – д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: obitchkina@mail.ru.

POLITICAL CRISIS IN FRANCE: «GILETS JAUNES» AND THE END OF THE «FIRST PERIOD» OF THE EMMANUEL MACRON'S GOVERNANCE

E.O. Obichkina
DOI 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: The article analyzes the current political crisis in France, the most striking manifestation of which is the «gilets jaunes» (yellow vests) movement. The current crisis is partly a consequence of the protracted identity crisis at both extremes of French political spectrum, resulting from a long period of relatively conflict-free alternation of left and center-right parties in a relatively favorable economic environment that accompanies the development

of a consumer society and a social state. This model, which can be called «consumer democracy», has failed with the onset of the global economic crisis. The «stepsons» of modern capitalism, who are used to relying on social guarantees from the «welfare state» persistently reject the neoliberal recipes favorable among elites for dealing with the crisis. A wave of «gilets jaunes» protests seems to be contingent on the specific situation that emerged in France during the presidential elections of 2017 and the beginning of the era of Emmanuel Macron, who aims at restructuring French society and economy. Its main feature is the growing public disbelief in and simultaneous collapse of both political parties that occupy and divide the French political Olympus at the time of power transition. Macron's supporters enjoy an absolute majority in the Parliament without any meaningful opposition capable of opposing the president. It allows for a rapid rate of reforms but produces a backlash from society that perceives the situation as a violation of the dialogue between voters and legislators. Dissatisfied people without any hope to be heard join the ranks of the mass spontaneous movement of «gilets jaunes», triggered by the introduction of the so-called «environmental» tax. This movement can be viewed from different perspectives – political analysis can be complemented by historical anthropology, because the spontaneous nature of the protest resembles the anti-tax uprisings of the 17th-18th centuries. From a philosophical point of view, it seems to be a reaction of outsiders to deep social transformations associated with the pauperization of the middle classes, globalization, waves of migration and the digital revolution. The government's response – revocation of the law that triggered the movement and the launch of «big national debates» – led to a relative decline in the activity of «gilets jaunes», but the main reason for the downturn is preparation for the upcoming European elections, which could be used as an opportunity to voice their discontent with the president and to return the civil protest in the electoral channel. The «gilets jaunes» movement hardly has any political future, but its experience, social potential and methods can be used in future protests, since its main agenda has not been exhausted – reconciliation of the neoliberal economic policies with the interests of the disadvantaged part of French society.

Key words: France, crisis of the parliamentarism, the governance methods of Emmanuel Macron, technocracy in power, yellow vests movement, national debate, criticism of the tax system.

References

1. Bunin I.M. *Vibori Macrona ili vibor Franzii: francuskaia politika v 2017-2018* [Macron's elections or the French choice: French politic in 2017-2018] Ed. By Yu. Rubinskiy. Moscow, Shkola grajdanskogo pravovedenia, 2018, 200 p. (in Russian).
2. Klinova M.V. Privatizatsia vo imia innovatsii vo Franzii [Privatization for Innovation in France]. In *Franzia pri president Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriatsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 29-38. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
3. Kostiuk R.V. Franzuskie levie: vremia porageniy [The Leftists in France: Time of Defeat] In *Franzia na poroge peremen. Ekonomika I politika v nachale XXI veka* [France on the Eve of Changes at the Beginning of XXI Century] Ed. by A. Kuznetsov, M. Klinova, A. Kudriatsev, P. Timofeev, eds. Moscow: IMEMO, 2016, pp. 142-150. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7 (in Russian).
4. Kudriatsev A.K. Sotzial'niy I ekonomicheskiy kurs presidenta E. Macrone: mejdu strategiy I taktikoy [Social and Economic Course of the President E. Macron: Between Strategy and Tactics] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriatsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 18-29. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
5. Lapina N.Yu. *Franzia – 2017: noviy format politicheskogo prostranstva* [France –

- 2017: a new format for political space] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 66-75. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
6. *Prezidentskie vibori vo Franzii – materialy meginstitutskogo kruglogo stola* [The French presidential elections – 2017: the materials of the All-Russian scientific conference of experts in France studies] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2017. DOI: 10.20542/978-5-9535-0498-0 (in Russian).
 7. Preobrazhenskaya A.A. «Respublikanzi»: porageniya 2017 i ih politicheskie posledstvia [Les Republicanins: Defeats of 2017 and Their Political Consequences] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 100-109. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
 8. Rubinski Yu I. Franzia na pereputie [Franzia at the middle of the road] In *Franzia na poroge peremen. Ekonomika I politika v nachale XXI veka* [France on the Eve of Changes at the Beginning of XXI Century] Ed. by A. Kuznetsov, M. Klinova, A. Kudriavtsev, P. Timofeev, eds. Moscow: IMEMO, 2016. С.88-96. DOI: 10.20542/978-5-9535-0460-7 (in Russian).
 9. Rubinski Yu I. Franzia presidenta Macro-na: pervie shagi [France under the President E. Macron: First Steps] In *Franzia pri presidente Emmanuele Macrone* [France under President Emmanuel Macron: at the Starting Point] Ed. by M. Klinova, A. Kudriavtsev, Yu. Rubinskiy, P. Timofeev, eds. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 9-18. DOI: 10.20542/978-5-9535-0525-3 (in Russian).
 10. Cayrol R. *Le président sur la corde raide*. Paris: Calmann-Levy, 2019. 275 p.
 11. Donégani J.- M., Sadoun M. *La V-ème République. Naissance et mort*. Paris: Calman-Lévy, 1998, 320 p.
 12. Dupont L., Vignaud M., Bruckert E., Pérou O. Macron face aux technocrates. C'est qui le patron? *Le Point*, no. 2421, 24.01.2019, pp. 29-35.
 13. Giesbert F.- O. La farce française du « trésor caché ». *Le Point*, no. 2421, 24.01.19, p. 5-6.
 14. Lhaik C. *Pourquoi il ne changera pas*. L'Express, 23.01.2019, pp. 28-33.
 15. *Macron par Macron. Sous la coordination de E. Fottorino*. Paris: Editions de l'Aube, 2017. 137 p.
 16. Mathieu B. *Et si on rendait l'impôt plus juste?* L'Express, 23.01.19, pp. 10.

About the author:

Evgeniia O. Obichkina – Dr. of Science (History), Full Professor, Chair for international relations and foreign policy for Russia, MGIMO-University. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: obitchkina@mail.ru.